

Когда они закончили разговор, Тан Мочэнь все еще не вернулся. Хуа Маньлоу внимательно прислушался, но, возможно, из-за слишком большого расстояния, он не смог уловить его присутствия. Тогда он активировал свою внутреннюю энергию, чтобы расширить радиус восприятия, но все равно ничего не почувствовал.

Тан Мочэнь был послушным ребенком, поэтому он не ушел бы далеко, чтобы не вызывать беспокойства. По предыдущим случаям, он уже должен был вернуться, но теперь Хуа Маньлоу совсем не ощущал его присутствия. Его первой мыслью было то, что их действия раскрыли организаторы поддельных банкнот, и Тан Мочэнь попал в их руки.

Человек, способный создать такие поддельные банкноты, явно обладал немалой властью. Хотя боевые навыки Тан Мочэня превосходили уровень обычных мастеров боевых искусств, против настоящих мастеров у него не было шансов. К тому же, у него совсем не было боевого опыта, и в реальном сражении он не смог бы использовать свои навыки в полной мере.

Самое главное, что Тан Мочэнь по своей натуре никогда не сдался бы без боя. Если бы он попытался отравить их или устроить ловушку, и это было бы обнаружено, неизвестно, как бы они с ним поступили. Им нужен был только живой Тан Мочэнь, а в каком состоянии — полном здравии или полумертвом — для них не имело значения.

Чем больше Хуа Маньлоу об этом думал, тем сильнее беспокоился. Раньше он всегда сохранял спокойствие и уверенность, но на этот раз он действительно заволновался. Ему нужно было как можно скорее найти этого ребенка. Сказав на прощание лишь несколько слов, он тут же воспользовался легким шагом и вылетел наружу.

— Сосед, вы не видели ребенка, который был со мной? На левой стороне волос у него была маска.

Выйдя наружу, Хуа Маньлоу понял, что он даже не знает, где именно исчез Тан Мочэнь, не говоря уже о том, кто его схватил и в каком направлении они ушли. Поэтому он решил сначала расспросить деревенских жителей, надеясь, что кто-то видел его.

— Я только что видел, как он зашел в тот заброшенный дом впереди.

Тот, к кому он обратился, указал на дом Юэ Цина. Неужели Тан Мочэнь направился туда? Возможно, там была засада? Но когда он сам был там с Тан Мочэнем, они не заметили никого внутри.

Когда Хуа Маньлоу вошел в дом, он также не почувствовал чьего-либо присутствия, даже Тан Мочэня. Впервые он пожалел, что был слепым. Хотя его другие чувства были намного острее, чем у других, слепота оставалась слепотой, и искать подсказки было намного сложнее. Теперь он даже не знал, были ли в этом доме какие-то следы Тан Мочэня.

Уйти, не осмотрев место, было не лучшим выбором, но у Хуа Маньлоу не было другого выхода. Его слух и обоняние оказались бесполезны, и он мог полагаться только на осязание. Однако он не решался трогать что-либо, так как, будучи слепым, мог случайно уничтожить важные подсказки.

Хуа Маньлоу повернулся, чтобы уйти, но, уже выйдя за порог, вдруг услышал слабый звук изнутри дома. Он тут же бросился обратно. Это был звук, как будто кровать сдвинули. Это был дом Юэ Цина, а Юэ Цин, как и Чжу Тин, был мастером механизмов. Возможно, он установил какой-то механизм на кровати.

Тан Мочэнь сам был умелым в механизмах, хотя и не так хорош, как Чжу Тин, но обнаружить ловушку для него было несложно. Вероятно, он вышел из дома соседа Юэ Цина и вернулся в дом Юэ Цина, чтобы поискать дополнительные подсказки, и обнаружил механизм на кровати. В это время Хуа Маньлоу все еще разговаривал с соседом, и Тан Мочэнь, чтобы не мешать, решил сам исследовать дом.

Хуа Маньлоу быстро понял все это, и его беспокойство наконец исчезло, сменившись гневом. Те, кто знал Хуа Маньлоу, знали, что он редко злится. По крайней мере, с тех пор как Тан Мочэнь появился, он никогда не видел его в гневе. Но сейчас Хуа Маньлоу действительно разозлился, и, судя по всему, довольно сильно.

Когда Тан Мочэнь вышел из тайного хода, он увидел своего старшего брата Хуа, стоящего у кровати, с безжизненным выражением лица, бледным от гнева. Увидев Хуа Маньлоу в таком состоянии, он невольно вздрогнул, инстинктивно почувствовав опасность, и слегка опустил голову.

— Что, мне нужно пригласить великого молодого господина Тан подняться?

Тон Хуа Маньлоу изменился, явно показывая, что он сейчас зол, и этот гнев был направлен именно на него. Хотя Тан Мочэнь не понимал, почему его всегда мягкий и добрый старший брат, который никогда не повышал на него голос, даже когда он доводил Лу Сяофэна и тех женщин, которые пытались его соблазнить, до предела, просто улыбался, сейчас злится, он инстинктивно хотел вернуться в тайный ход. Но он также знал, что, если он вернется, Хуа Маньлоу разозлится еще больше. Поэтому он покорно вышел из тайного хода.

Выйдя, Тан Мочэнь стоял рядом с Хуа Маньлоу, опустив голову, с глазами, полными слез, и дрожащим голосом извинился перед ним. Хотя он до сих пор не понимал причины, он решил сначала признать свою вину. Тан Мочэнь знал, что его старший брат Хуа был мягкосердечным, особенно по отношению к нему, поэтому он сделал вид, что вот-вот заплачет, надеясь, что его старший брат смягчится и просто отпустит его.

— Прости.

— Что, ты действительно понимаешь, что сделал что-то неправильное?

Разъяренный Хуа Маньлоу полностью проигнорировал дрожь в голосе Тан Мочэня. Более того, в постоянных противостояниях Тан Мочэня с Лу Сяофэном Хуа Маньлоу уже хорошо изучил его актерские способности. Сейчас он точно не попадет на эту уловку. Нельзя сказать, что актерское мастерство Тан Мочэня было плохим. Любой, кто стоял бы перед ним и видел его жалкий вид, готовый заплакать, простил бы его проступки. К сожалению, на этот раз Хуа Маньлоу был действительно разгневан, поэтому попытка Тан Мочэня вызвать жалость не только не достигла желаемого эффекта, но и еще больше разозлила его.

— Что, ты еще чувствуешь себя обиженным? Если так, то я тебя больше не буду опекать.

Сказав это, Хуа Маньлоу действительно перестал обращать внимание на Тан Мочэня и повернулся, чтобы покинуть дом Юэ Цина. Увидев, что его старший брат Хуа на этот раз действительно разозлился, Тан Мочэнь ни за что не хотел отпускать его и тут же схватил за одежду. Хотя Хуа Маньлоу был зол, его основным чувством все же было беспокойство за Тан Мочэня, поэтому он все еще заботился о его действиях. Когда он почувствовал, что Тан Мочэнь схватил его за край одежды, он тут же остановился, боясь, что тот не успеет за его шагами и упадет.

Тан Мочэнь совершенно не понимал, почему его старший брат Хуа злился. Когда он уходил, все было в порядке. Поскольку он не знал причины гнева, он также не знал, как его успокоить. Мысль спросить Хуа Маньлоу о причине появилась в его голове, но он тут же отбросил ее. Если бы его старший брат узнал, что он до сих пор не понимает, почему он злится, его гнев стал бы еще сильнее. Не зная причины и боясь спросить, Тан Мочэнь только дергал край одежды своего старшего брата, надеясь, что тот смягчится и простит его.

Почувствовав силу, с которой Тан Мочэнь дергал его одежду, Хуа Маньлоу подумал, что его одежда вот-вот порвется. Чтобы спасти свою одежду от цепких рук Тан Мочэня, он был вынужден повернуться к нему лицом.

Увидев, что его старший брат Хуа отказался от идеи уйти и повернулся к нему, Тан Мочэнь тут же отпустил уже смятую одежду и схватил его за рукав.

<http://bllate.org/book/16231/1458280>